

Курт Воннегут

Армагеддон в ретроспективе (фрагмент)

1951 год – с днем рождения

– Лето для дня рождения – самая подходящая пора, – сказал старик. – Раз есть возможность выбирать, почему не выбрать летний денек?

Он послунил большой палец и стал листать стопку бумаг, которые солдаты велели заполнить. А какой же документ без дня рождения? Получается, что для мальчика этот день надо выбрать.

– Если не возражаешь, твой день рождения будет сегодня, – предложил старик.

– Сегодня с утра дождь шел, – возразил мальчик.

– Давай завтра. Ветер гонит облака на юг. Завтра весь день будет светить солнце.

С утра зарядил ливень, солдаты искали, где укрыться от непогоды, и наткнулись на убежище среди развалин, где каким-то чудом старик и мальчик умудрились прожить целых семь лет без документов – можно сказать, без официального права на жизнь. Они сказали: без документов человек не имеет права на пищу, крышу над головой или одежду. Но старик и мальчик, зарывшись в катакомбы погребов под поруганным городом, нашли то, другое и третье – на промысел они выходили по ночам.

– Почему ты дрожишь? – спросил мальчик.

– Потому что я старик. А старики солдат боятся.

– Я не боюсь, – заявил мальчик. Внезапное вторжение в их подземную жизнь сильно взбудоражило его. В руке мальчика что-то блеснуло, играло желтыми бликами в узком луче света, что струился в окно погреба. – Видишь? Один из них дал мне медную пуговицу.

И правда, ничего пугающего в солдатах не было. Старик был слишком стар, а мальчишка слишком молод, и вид этой парочки солдат даже развеселил: надо же, нигде не зарегистрированы, ни от чего не привиты, на верность никому не присягали, ни от чего не отрекались, ни за что не извинялись, ни за что не голосовали, ни

против чего не маршировали – с самой войны. Таких больше во всем городе, пожалуй, и не сыскать.

– Да я и думать не думал, – сказал старик солдатам, слегка прикидываясь маразматиком. – Откуда мне знать?

Он рассказал им, как в день окончания войны какая-то несчастная сунула ему в руки ребенка, убежала и не вернулась. Вот так парень и появился. А чей он гражданин? Как его зовут? Когда родился? Понятия не имею.

Старик палкой выкатил из горящей печурки картофелины, сбил с почерневшей кожуры тлеющие угольки.

– Не сказать, что я был тебе хорошим отцом, позволил столько лет ходить без дня рождения. Уж на один день в году ты имеешь право, а я тебя целых шесть лет без дня рождения продержал. И без подарков. А имениннику подарки положены. – Он осторожно подцепил картофелину, перебросил ее мальчику, тот поймал ее и засмеялся. – Значит, назначаем твой день рождения на завтра?

– Давай.

– Идет. Не так много у меня времени, чтобы добыть тебе подарок, но я кое-что придумаю.

– А что?

– Лучше, когда подарок на день рождения – сюрприз. – Старик подумал о колесах, которые видел в куче хлама на улице. Мальчик заснет, а он ему соорудит что-то вроде тележки.

– Слышишь? – спросил мальчик.

Каждое утро с какой-то отдаленной улицы до руин доносился топот марширующих солдат.

– Да не слушай ты, – отмахнулся старик. Он поднял палец, требуя внимания. – Знаешь, что мы сделаем на твой день рождения?

– Украдем в пекарне пирожные?

– Возможно, но я подумал не про это. Знаешь, чем мы завтра займемся? Отведу тебя туда, где ты в жизни не был, где я и сам не был уж вон сколько лет. – Старик явно оживился и повеселел. Вот это будет подарок! Что там тележка! – Завтра я уведу тебя подальше от войны.

Старик не заметил, что мальчика эти слова озадачили и даже слегка разочаровали.

Итак, наступил день рождения мальчика, который он выбрал себе сам, небо, как и обещал старик, было ясным. В сумеречном

свете своего погребца они позавтракали. Вечером старик смастерил тележку, и теперь она стояла на столе. Мальчик ел одной рукой, а другой поглаживал коляску. Иногда он переставал есть и катал тележку взад-вперед, издавая при этом звук мотора.

– Хороший у вас грузовичок, мой господин, – сказал старик. – Небось живность на рынок везете?

– Браммм! Браммм! Поберегись! Браммм! А то мой танк вас раздавит!

– Извини, – вымолвил старик со вздохом, – а я думал, ты – грузовик. Ну, не важно, главное – нравится. – Свою жестяную тарелку он бросил в ведро с водой, кипевшей на медленном огне. – И это только начало, самое начало, – многообещающе сказал он. – Лучшее впереди.

– Еще что-то мне подаришь?

– В каком-то смысле. Помнишь, что я тебе обещал? Сегодня мы идем туда, где нет войны. В лес.

– Браммм! Браммм! А можно, я возьму с собой танк?

– Если он будет грузовиком, хотя бы на сегодня.

Мальчик пожал плечами:

– Тогда я его тут оставлю, а вернемся, тогда и поиграю.

Щурясь в ярком утреннем свете, два наших героя прошли по своей пустынной улице и свернули на оживленный бульвар, обрамленный новыми прекрасными домами. Казалось, мир снова приободрился, почистился, обрел почву под ногами. Люди словно не хотели знать, что запустение начиналось в одном квартале по каждую сторону замечательного бульвара и простиралось на мили. Держа пакеты с провизией под мышками, старик и мальчик шли в южную сторону, к поросшим соснами холмам, куда полого поднимался бульвар.

Навстречу им по тротуару шли четыре молодых солдата. Старик посторонился, шагнув на проезжую часть улицы. Мальчик же своих позиций не уступил и отдал солдатам честь.

Те улыбнулись, козырнули в ответ, расступились и позволили ребенку пройти.

– Бронетанковые войска, – сообщил мальчик старику.

– Хм-м-м? – промычал старик с отсутствующим видом, не отрывая глаз от зеленых холмов. – Правда, что ли? А ты откуда знаешь?

– У них же зеленые галуны, не заметил?

– Заметил, но эти знаки меняются. Помню, раньше у бронетанковых войск было черное с красным, а зеленое... – Он прервал себя на полуслове. – Это все чушь, – бросил он, едва скрывая раздражение. – Это все бессмыслица, и сегодня мы об этом забудем. У тебя сегодня день рождения, а ты думаешь неизвестно о...

– Черные с красным – это инженерные войска, – с серьезным видом перебил его мальчик. – Просто черный цвет – это военная полиция, красный – артиллерия, синий с красным – медицинская служба, а черный с оранжевым...

В сосновом лесу стояла полная тишина. Вековой ковер из иголок и зеленой листвы заглушал все звуки, приплывавшие из города. Старик и мальчик оказались в окружении бесконечной колоннады мощных бурых стволов. Солнце, стоявшее прямо у них над головами, прорывалось к ним яркими уколами сквозь густую завесу зелено-игольчатой кущи.

– Здесь? – спросил мальчик.

Старик огляделся по сторонам.

– Нет, чуть подальше. – Он показал рукой: – Вон там – видишь? Отсюда видна церковь. – Черный каркас обгоревшей колокольни был вписан в голубой квадрат неба, между двумя мощными стволами на краю леса. – Прислушайся – слышишь? Вода. Там, наверху – ручей, вдоль него можно спуститься в лощину, оттуда видны только верхушки деревьев и небо – больше ничего.

– Ладно, – согласился мальчик. – Вообще-то мне и здесь нравится, но пойдём дальше.

Он взглянул на колокольню, на старика и вопросительно поднял брови.

– Увидишь, там намного лучше, – заверил старик.

Они добрались до вершины гребня, и радостным жестом старик указал на текущий внизу ручей.

– Ну, что скажешь? Это же чистый рай! Так все было в стародавние времена – деревья, небо и вода. Это мир, какой должен быть у нормального человека – наконец-то сегодня он есть и у тебя.

– Смотри-ка! – перебил его мальчик, указывая на гребень напротив.

Огромный танк, проржавевший до цвета опавших сосновых иголок, засел на склоне, вцепившись в него разбитыми гусеницами,

черная дыра, из которой когда-то торчала пушка, была изъедена шрамами коррозии.

– Как нам добраться до него через ручей? – спросил мальчик.

– Нам незачем туда добираться, – ответил старик с легким раздражением. Он крепко взял мальчика за руку. – Сегодня – незачем. Может быть, как-нибудь в другой раз. Но не сегодня.

Мальчик заметно приуныл. Его маленькая рука обмякла в стариковской.

– Впереди поворот – за ним мы найдем именно то, что нам нужно.

Мальчик промолчал. Он подобрал с земли камень и бросил его в танк. Маленький снаряд летел к цели, и мальчик напрягся, подобрался, словно мог взорваться весь мир. Камень попал в башню, раздался легкий щелчок – и мальчик сразу успокоился, цель была достигнута. И он послушно последовал за стариком.

За поворотом они нашли то, что искал старик: гладкое и сухое каменное плато, нависавшее над ручьем и огражденное его высокими берегами. Старик растянулся на мшистой поверхности, любовно похлопал по камню рядом с собой, приглашая мальчика сесть. Разложил съестное для ленча.

Они поели, и мальчик стал ерзать.

– Тут так тихо, – сказал он наконец.

– Так и должно быть, – объяснил старик. – Это лишь один уголок, но именно такой должна быть земля.

– Тут одиноко.

– В этом и красота.

– Мне больше нравится в городе, там солдаты и...

Старик резко схватил мальчика за руку и крепко сжал ее.

– Нет. Ты просто не понимаешь. Ты еще совсем молодой и не понимаешь того, что видишь сейчас, что я пытаюсь тебе передать. Станешь повзрослее – вспомнишь и захочешь прийти сюда снова, твоя тележка к тому времени давно сломается.

– Не хочу, чтобы моя тележка ломалась, – сказал мальчик.

– Да не сломается она. Ты просто полежи здесь, закрой глаза и прислушайся, постарайся обо всем забыть. Это и есть мой тебе подарок – несколько часов вдали от войны.

И он закрыл глаза.

Мальчик прилег рядом и, подчиняясь, тоже закрыл глаза.

Когда старик проснулся, солнце уже клонилось к закату. От долгого сна у ручья ломило спину, на теле выступил пот. Он зевнул и потянулся.

– Пора идти, – сказал он, не открывая глаз. – Наш день мира закончился.

Тут старик понял, что мальчика нет. Он позвал его, поначалу без всякой тревоги. Но ответом ему был только ветер, тогда он поднялся и выкрикнул имя мальчика во весь голос.

В душе старика зашевелилась паника. Ведь мальчик никогда не был в лесу, мог запросто заблудиться, если пошел в северную сторону, по склону в глубь леса. Старик забрался повыше и снова закричал. В ответ – тишина.

Может быть, мальчик спустился вниз, к танку, попробовал пересечь ручей? А плавать не умеет. Старик заспешил вниз вдоль ручья, к повороту, откуда открывался вид на танк. Жуткий свидетель прошлого озлобленно пялился на него с другой стороны оврага. Движения не было, только шелестел ветер в листве, да журчала вода.

– Ба-бах! – крикнул детский голосок.

Из башни танка высунулась голова мальчика.

– Попал! – торжествующе объявил он.

Армагеддон в ретроспективе

Дорогой друг!

Позвольте занять минуту Вашего времени. Мы никогда не встречались, но я осмеливаюсь написать Вам, потому что о Вас хорошо отзывался наш общий друг и характеризовал Вас как человека гибкого ума, небезразличного к судьбам других людей.

Новости последних дней оказывают на нас сильнейшее влияние, и нам легко забыть то, что произошло недавно. Поэтому хочу освежить в Вашей памяти событие, потрясшее мир всего пять лет тому назад и сегодня совершенно забытое всеми, кроме нескольких из нас. Я говорю о событии, которое, по аналогии с библейским, стало известно как Армагеддон.

Возможно, Вы помните, как хаотично все начиналось в институте Пайна. Признаюсь, я пошел работать администратором в этот институт с чувством стыда и по глупости, исключительно из-за денег. У меня было много предложений, но тамошний специалист

по подбору персонала обещал мне зарплату, вдвое превышавшую то, что сулил лучший из других вариантов. Недавний выпускник, я за три года нищенского существования нажил долги и согласился на эту работу, поклявшись себе поработать годик, расплатиться с долгами, что-то отложить, потом устроиться в пристойное место и даже под пытками не признаваться, что приближался к Вердигрису, штат Оклахома, ближе чем на сто миль.

Благодаря такой сделке с собственной совестью мое имя стало упоминаться рядом с именем доктора Гормана Тарбелла – одного из подлинных героев нашего времени.

Мой вклад в достижения института Пайна был самым общим – главным образом, я принес с собой навыки, типичные для выпускника в сфере делового администрирования. Эти навыки я мог бы легко применить и в другом месте, например управлять фабрикой по производству трехколесных велосипедов или парком аттракционов. Я никоим образом не участвовал в создании теорий, которые приблизили нас к Армагеддону и довели его до завершения. Я появился на месте событий довольно поздно, когда мыслительная работа в значительной мере была выполнена.

Если говорить о духовном вкладе и о самопожертвовании, список людей, благодаря которым кампания состоялась и завершилась успехом, должен возглавить, конечно же, доктор Тарбелл.

С хронологической точки зрения список этот следует начать с покойного доктора Зелига Шилдкнехта, из немецкого города Дрездена, который всю вторую часть своей жизни (и наследства) пытался, как правило бесплодно, привлечь внимание к своим теориям психических заболеваний. По сути, Шилдкнехт утверждал простую вещь: все собранные факты не противоречат только одной, самой древней, никогда и никем не опровергнутой теории психических заболеваний. Сущность ее состояла в том, что больной с нарушенной психикой находится в руках дьявола. Шилдкнехт был убежден в этом.

Он неустанно развивал эту мысль в книгах, изданных за свой счет, ибо ни один издатель не хотел с ним связываться, и настаивал на необходимости исследования, которое позволит узнать как можно больше о дьяволе, его формах, привычках, сильных и слабых местах.

Следующим в списке должен стоять американец, мой бывший работодатель, Джесси Пайн из Вердигриса. Много лет назад нефтяной магнат Пайн заказал для своей библиотеки двести футов книг. Книготорговец увидел для себя возможность избавиться – среди прочих шедевров – от собрания сочинений доктора Зелига Шилдкнехта. Пайн решил, что поскольку работы Шилдкнехта написаны на иностранном языке, значит, в них содержится нечто нежелательное для англоязычных стран. И нанял заведующего кафедрой германистики Оклахомского университета, чтобы тот прочитал ему все эти труды.

Выбор книготорговца не поверг Пайна в ярость – напротив, он пришел в восторг. Вся жизнь он страдал от недостатка образования – и вдруг выясняется, что человек с пятью университетскими дипломами разработал идею, полностью соответствующую его собственной: «Все беды человека происходят от того, что в нем сидит дьявол».

Продержись Шилдкнехт на этом свете чуть дольше, он не умер бы без гроша за душой. Но Шилдкнехт не дотянул до основания института Джесси Пайна всего два года. С той минуты каждая капля нефти из половины нефтяных скважин Оклахомы оборачивалась новым гвоздем в гроб дьявола. И каждый божий день хотя бы один ловец удачи садился в поезд и ехал к мраморным дворцам, воздвигавшимся в Вердигрисе.

Если продолжать этот список, он выйдет довольно длинным, потому что тысячи мужчин и женщин, не отличавшихся особым интеллектом и честностью, устремились по дороге исследований, намеченной Шилдкнехтом, а Пайн между тем мешками таскал им денежки. Но почти все эти мужчины и женщины были завистливыми и некомпетентными пассажирами поезда под названием «халява», какую на страницах истории еще надо поискать. Их эксперименты, как правило невероятно дорогие, являли собой сатиру на невежество и доверчивость их благодетеля, Джесси Пайна.

Все его миллионы так и были бы потрачены впустую, а я получал бы фантастическую зарплату, не слишком стараясь отработать ее, но все сложилось иначе благодаря живому мученику Армагеддона, доктору Горману Тарбеллу.

Этот старейший и весьма уважаемый сотрудник института – кряжистый мужчина за шестьдесят, страстный, с седыми патлами,

был одет так, будто ночи проводил под мостами. Он вполне успешно проработал физиком в крупной научно-исследовательской лаборатории, неподалеку от Вердигриса, откуда и вышел на пенсию. Как-то раз по дороге в магазин Тарбелл заглянул в институт – выяснить, чем, черт возьми, занимаются в этих солидных сооружениях.

Я был первым, кто попался ему на глаза, и сразу понял, что передо мной человек редкого интеллекта. Весьма скромно я поведал ему о деяниях нашего института. Манера изложения подразумевала: мы с вами, люди образованные, понимаем, что это полная белиберда.

Но мой снисходительный взгляд на проект остался неразделенным – напротив, доктор Тарбелл попросил разрешения взглянуть на труды доктора Шилдкнехта. Я дал ему главный том, обобщавший все, что было изложено в остальных, и стоял, понимающе похмыкивая, пока он изучал его.

– Свободные лаборатории у вас есть? – спросил он наконец.

– Представьте себе, есть, – ответил я.

– Где?

– Пока свободен весь третий этаж. Маляры только что закончили покраску.

– Какую комнату я могу занять?

– Вы хотите получить здесь работу?

– Мне нужна тишина, покой и рабочее место.

– Вы понимаете, сэр, что любая работа здесь будет иметь отношение к демонологии?

– Это меня очень радует.

Я выглянул в коридор и, убедившись, что Пайна поблизости нет, шепотом произнес:

– Вы действительно считаете, будто в этом что-то есть?

– Какие у меня основания считать иначе? Вы можете мне доказать, что дьявол не существует?

– Нет, но все-таки... ведь ни один образованный человек не верит...

Хрясть! Палкой он хлопнул по моему почкообразному столу.

– Надо доказать, что дьявол не существует – пока это не доказано, он не менее реален, чем ваш стол.

– Да, сэр.

– Не стыдитесь вашей работы, друг мой. Происходящее здесь дает миру не меньше надежды, чем то, что творится в лабораториях по атомной энергии. «Верьте в дьявола», – говорю я, и мы будем в него верить, пока не появятся серьезных причин не верить в него. Так работает наука!

– Да, сэр.

И он пошел по коридору будоражить остальных, а потом поднялся на третий этаж и выбрал комнату для своей лаборатории и тут же велел малярам заняться именно ею, потому что завтра она должна быть готова.

Я сопровождал его наверх, держа в руке бланк заявления о приеме на работу.

– Сэр, – попросил я, – заполните, пожалуйста.

Он взял листок не глядя и сунул в карман пиджака, откуда, как из сумы, торчали всевозможные смятые бумаги. Заявление он так и не заполнил, а просто вселился в лабораторию, повергнув в смятение администрацию института.

– Насчет вашей зарплаты, сэр, – обратился к нему я. – Сколько вы хотели бы получать?

Он отмахнулся от меня как от назойливой мухи.

– Я здесь для того, чтобы заниматься исследованиями, а не дурацкими бумажками.

Год спустя вышел в свет первый ежегодный отчет института Пайна. Главное достижение сводилось к тому, что шесть миллионов долларов из денег Пайна были возвращены в оборот. Пресса западного мира назвала этот отчет самой смешной книгой года и в подтверждение опубликовала соответствующие отрывки. Коммунистическая пресса назвала отчет самой мрачной книгой года и написала несколько статей об американском миллиардере, пытающемся установить прямой контакт с дьяволом для увеличения своих прибылей.

Доктор Тарбелл оставил эти выпады без внимания.

– Мы сейчас на том этапе, на котором в свое время находились физические науки применительно к структуре атома, – весело заявил он. – У нас есть кое-какие идеи, в основе которых лежит не только вера. Над ними можно смеяться, но это невежественно и антинаучно – нам нужно время на проведение эксперимента.

Среди очевидной бессмыслицы, разбросанной по страницам отчета, особняком стояли три гипотезы доктора Тарбелла: первая – поскольку психические заболевания часто лечат электрошоком, весьма возможно, что электричество вызывает у дьявола неприятие; вторая – поскольку психические заболевания в мягкой форме часто исцеляются благодаря длительным беседам о событиях из прошлой жизни пациента, дьявола, возможно, отпугивают бесконечные разговоры о сексе и воспоминаниях детства; третья – если признать, что дьявол существует, вселяется в людей и держит их с разной степенью цепкости, его можно изгнать с помощью бесед или шока, но иногда этот процесс приводит к смерти пациента.

Я был свидетелем того, как Тарбелла допрашивал журналист по поводу этих гипотез.

– Вы шутите? – спросил тот.

– Если иметь в виду, что я предлагаю эти идеи в шуточной манере, тогда да.

– То есть вы считаете их вздором?

– Давайте остановимся на слове «шуточный», – предложил доктор Тарбелл. – Если заглянуть в историю науки, мой дорогой друг, окажется, что большая часть по-настоящему великих идей родилась из умной шутки. А любая трезвая сосредоточенность со сжатыми губами – это уже приведение в порядок обрывков великих идей.

Однако миру больше пришлось по душе слово «вздор». Постепенно в прессе вслед за смехотворными историями из Вердигриса стали появляться смехотворные картинки. Например, у человека на голове наушники, через его голову идет небольшой электрический ток, и дьявол от этого испытывает неудобства. Говорилось, что уровень тока незначительный, но я как-то надел такие наушники на себя, и ощущение было крайне неприятное. Припоминаю еще один эксперимент, запечатленный в виде карикатуры: женщина с легкими психическими отклонениями рассказывает о своем прошлом, находясь под огромным стеклянным колпаком. Предполагалось, что он уловит какое-то опознаваемое присутствие дьявола, теоретически подвергаемого постепенному изгнанию. Такие картинки, чередуясь, отражали новые пути борьбы с дьяволом и состязались друг с другом в нелепости и дороговизне.

А потом пришел черед операции, названной мною «Крысиная нора». В связи с ней Пайну впервые за многие годы пришлось внимательно изучить свой банковский счет. В результате этого исследования он решил заняться поисками новых нефтяных месторождений. «Крысиная нора» подразумевала пугающие расходы, и я высказался против. Но несмотря на мои возражения, доктор Тарбелл убедил Пайна в том, что есть только один способ проверить теории о дьяволе: поставить эксперимент на большой группе людей. И на повестке дня возникла операция «Крысиная нора» – попытка полностью освободить от дьявола графства Новата, Крейг, Оттава, Делавэр, Адейр, Чероки, Уэгонер и Роджерс. Чтобы проверить результат, решили не проводить эксперимент в графстве Мейес, расположенном как раз между остальными.

В первых четырех графствах раздали 97 тысяч наушников, которые за вознаграждение нужно было носить круглые сутки. В последних четырех открыли специальные центры, куда люди приходили – тоже за вознаграждение – как минимум два раза в неделю и делились рассказами о своем прошлом. Управление этими центрами я передал своей помощнице. В этих заведениях я чувствовал себя крайне некомфортно, ибо там царила атмосфера жалости к себе и приходилось выслушивать скучнейшие причитания.

Через три года доктор Тарбелл передал Джесси Пайну конфиденциальный отчет о ходе эксперимента, после чего попал на больничную койку в состоянии истощения. Отчет носил предварительный характер, и доктор Тарбелл просил Пайна никому его не показывать – до завершения работы еще далеко, очень далеко.

Воображаю, как был потрясен доктор Тарбелл, услышав по радио в больничной палате: ведущий национального канала представляет Пайна, и тот, после невнятной преамбулы, говорит:

– Значит, мы взяли под защиту восемь графств и всыпали дьяволу по первое число. Застарелые случаи были, но ни одного нового, если не считать пяти человек, не способных толком ничего про себя рассказать, и еще семнадцати, у которых сели батарейки. А вот посерединке дьявол разгулялся, мы ведь людей из графства Майес оставили с дьяволом наедине, вот они и мучились, как обычно...

– Все беды мира оттого, что с первого дня в нем правит дьявол, – сказал в завершение Пайн. – Вот мы его и выперли из северо-восточной Оклахомы, за исключением графства Майес, да и оттуда выпрем и вообще сотрем с лица земли. В Библии сказано, что между добром и злом разразится великая битва. Считаю, что она как раз и началась.

– Старый идиот! – вскричал Тарбелл. – Господи, что же теперь будет?

Исторический момент для высказывания Пайна был самым неподходящим, и ситуация оказалась взрывоопасной. Вспомните времена: весь мир, словно под влиянием каких-то колдовских чар, разделился на две враждующие половины, совершались какие-то действия и противодействия, которые, как представлялось, чреватые катастрофой. Никто не знал, что делать. Никто уже не мог управлять судьбами человечества. Каждый день был наполнен безнадежностью и отчаянием, а новости становились все хуже и мрачнее.

И тут из Вердигриса, штат Оклахома, звучит заявление, что по миру гуляет дьявол – источник всех наших бед. К тому же приводятся доказательства и вариант решения проблемы!

Земля издала вздох облегчения, и его, наверное, услышали в других галактиках. Так, значит, во всех бедах человечества виноваты не русские, не американцы, не китайцы, не англичане, не ученые, не генералы, не финансисты с политиками, вообще, хвала Господу, не бедолаги-люди! С людьми все в порядке, они существа достойные, невинные и умные, – это все дьявол, это он пускает под откос все добрые начинания человечества! Самоуважение в среде людей возросло в тысячи раз, и никто не потерял лица – кроме дьявола.

Политики на всех континентах кинулись к микрофонам и в один голос заявили: мы против дьявола! Редакционные статьи мировой прессы выражали ту же бесстрашную позицию: дьявол не пройдет! Странников у него не было.

В ООН малые страны внесли резолюцию: все большие страны, подобно любящим детям, каковы они, в сущности, и есть, должны взяться за руки и навсегда изгнать с земли злейшего врага человечества – дьявола.

Несколько месяцев после сенсационного заявления Пайна все новости были связаны с Армагеддоном – чтобы вытеснить их

оттуда, пришлось бы как минимум сварить собственную бабушку или устроить безумную битву на топорах в детском приюте. Раньше местные журналисты развлекали своих читателей всякими сомнительными диковинками в Вердигресе – теперь они мгновенно превратились в знатоков и рассуждали о братпухрианских гонгах дьявола, эффективности крестов на подошвах, черной мессе и глубинном познании. Почта трудилась, как под Рождество, доставляя горы писем в ООН, в госструктуры, в институт Пайна. Судя по всему, народ и так знал, что все беды происходят от дьявола. Многие утверждали, что видели его лично, почти каждый имел неплохой план, как от него избавиться.

Попадались и такие, кто считал, что вся эта кампания – бред сивой кобылы. Но они чувствовали себя как страховой агент похоронного бюро на вечеринке в честь новорожденного – поэтому просто пожимали плечами и помалкивали. А если кто-то пытался что-то вякнуть, на него все равно не обращали внимания.

В числе сомневающихся был и доктор Горман Тарбелл. «Боже правый, – говорил он с тоской в голосе, – мы же сами не знаем, что именно доказали наши эксперименты. Они ведь только начались. Пройдут годы, прежде чем мы с уверенностью скажем, прижали мы дьявола или нет. Теперь из-за Пайна весь мир возликовал: сейчас мы включим пару приборчиков, и жизнь на земле снова станет раем». Но его никто не слушал.

Пайн, к тому времени уже обанкротившийся, передал свой институт в ведение ООН, и была создана структура под названием ЮНДИКО – Комитет по демонологическим исследованиям при ООН. Доктор Тарбелл и я представляли в этом комитете Америку, и первое заседание состоялось в Вердигресе. Меня избрали председателем, и я, как вы, вероятно, догадались, стал объектом всякого рода дурных шуток – мол, кому же еще возглавлять такой комитет, как не человеку с моей фамилией.

Тут было от чего прийти в уныние: от этого комитета ждали – и даже требовали – серьезных результатов, а у его членов не хватало элементарных базовых знаний о предмете. Мандат, который выдало нам человечество, был нацелен не на предотвращение психических заболеваний – нет, перед нами стояла задача уничтожить дьявола. Тем не менее потихоньку-полегоньку мы разработали план действий, и главные идеи исходили от доктора Тарбелла.

– Мы ничего не можем обещать, – сказал он. – Но нам предоставлена возможность поставить эксперимент в масштабе всей планеты. Поскольку все тут основано на предположениях, никто не мешает нам предположить кое-что еще. Допустим, что дьявол – это эпидемия, вот и займемся лечением этого заболевания. Если создадим такие условия, что дьяволу в человеческом теле станет неуютно – во всех уголках земли, – тогда он исчезнет, или умрет, или переберется на другую планету, или займется другими своими делами, если он вообще существует.

Мы прикинули: чтобы оснастить электрическими наушниками всех мужчин, женщин и детей, необходимо около 20 миллиардов долларов плюс еще 70 миллиардов в год на батарейки. Победа в современных войнах не дается даром. Но вскоре мы выяснили, что люди готовы платить такую высокую цену только за убийство ближнего.

Более практичной показалась технология Вавилонской башни. За разговоры денег не берут. И ЮНДИКО выдал первую рекомендацию: создать по всему миру центры, куда, влекомые тем или иным способом убеждения, в зависимости от местных обычаев – долларом, штыком или угрозой проклятия, будут регулярно приходить граждане и облегчать душу рассказами о детских или сексуальных впечатлениях.

Эта рекомендация была первым признаком того, что ЮНДИКО намерен разобраться с дьяволом по-деловому. Однако тут же стало ясно, что в море энтузиазма есть глубоководные и смутные течения. Многие лидеры подстраховывались, высказывали невнятные возражения, причем сама терминология была весьма туманной, например: «Это противоречит нашему великому национальному наследию, ради которого наши прародители шли на неисчислимые жертвы...» Никто не заявлял об этом прямо – хватало благоразумия, – что он берет сторону дьявола, но все равно из высших сфер поступали осторожные советы, весьма походившие на сигнал к полному бездействию.

Поначалу доктор Тарбелл полагал, что подобная реакция объясняется страхом – мол, дьявол отомстит людям за то, что они решили объявить ему войну. Но потом, проанализировав состав оппозиции и сделанные ею заявления, он весело заметил: «Это же надо – да они думают, что мы можем преуспеть! И наложили в

штаны от страха – ведь если окажется, что дьявола среди нас больше нет, им останется только собак ловить».

Но, как я уже сказал, сами мы считали: вероятность изменить мир хотя бы на йоту у нас одна на триллион. Благодаря одному событию, а также подводным течениям в рядах оппозиции наши шансы на успех снизились до одного на октильон.

Событие произошло вскоре после того, как наш комитет выдал свою первую рекомендацию. «Любому дураку известно, как без излишней мороки избавиться от дьявола, – шепнул один американский делегат другому на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. – Пара пустяков. Взорвать его к чертям собачьим в его кремлевском логове – и все дела». Он был убежден, что стоявший перед ним микрофон выключен, но, Боже, как он ошибался!

Его комментарий транслировали по системе для публичных выступлений и, как полагается, перевели на четырнадцать языков. Советская делегация вышла из зала и тут же отправила телеграмму на Родину: как себя вести? Часа через два они вернулись в здание ООН с заявлением:

«Настоящим граждане Союза Советских Социалистических Республик снимают свою поддержку Комитета по демонологическим исследованиям при ООН, так как деятельность этого комитета – исключительно внутреннее дело Соединенных Штатов Америки. Советские ученые полностью согласны с открытиями, сделанными в институте Пайна по поводу присутствия дьявола на территории Соединенных Штатов. Но, используя ту же экспериментальную методику, наши ученые не обнаружили никаких следов присутствия дьявола на территории СССР и поэтому считают данную проблему чисто американской. Граждане СССР желают гражданам Соединенных Штатов Америки всяческих успехов в их сложном предприятии с тем, чтобы США как можно быстрее стали полноправными членами семьи дружественных стран».

В Америке без особых колебаний объявили: любые действия ЮНДИКО в США будут означать пропагандистскую победу русских. Эту точку зрения поддержали и другие страны, заявившие, что от дьявола они уже освободились. И ЮНДИКО тут же пришел конец. Признаться, я испытал облегчение и радость. От ЮНДИКО у меня уже начала пухнуть голова.

Институт Пайна тоже приказал долго жить, ведь Пайн просадил все свои денежки, и ему оставалось только закрыть двери в Вердигресе. После объявления о закрытии института мой кабинет подвергся нападению бездельников, нашедших в Вердигресе синекуру, и я сбежал в лабораторию доктора Тарбелла.

Когда я вошел, он раскалившейся железякой зажигал сигару. Доктор Тарбелл кивнул и сквозь сигарный дым покосился на оставшихся без финансирования демонологов, которые толклись внизу под окнами.

– Давно пора избавиться от этих мошенников – надо заняться работой.

– Так мы тоже едва концы с концами сводим.

– Сейчас деньги мне не нужны, – заметил Тарбелл. – Мне нужно электричество.

– Тогда поторопитесь – последний мой чек за электричество был совсем хлипким. А над чем вы, собственно, работаете?

Он припаял проводок к медному барабану высотой примерно четыре фута и футов шесть в диаметре, наверху была крышка.

– Я буду первым выпускником Массачусетского технологического института, который проплывет через Ниагарский водопад в бочке. Как думаешь, на жизнь этим можно заработать?

– Я серьезно.

– Сплошной здравый смысл. Прочитай-ка мне кое-что вслух. Вон книга – открой, где заложена страница.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.